

очарование

БАРБАРА КАРТАЛЕНА

Зов
сердца

МУЗЫКА

Очарование

Барбара Картленд

Зов сердца

«АСТ»

1975

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Картленд Б.

Зов сердца / Б. Картленд — «АСТ», 1975 — (Очарование)

Циничный и насмешливый лорд Ротвин всегда умел использовать женщин в своих целях — а юная и невинная сирота Лалита Стадли казалась просто идеальным средством, чтобы отомстить ее надменной сводной сестре... Теперь у Лалиты есть все: золото, роскошь, зависть окружающих... но к чему ей все это, если единственная ее мечта — покорить сердце Ротвина и всегда быть рядом с ним?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Картленд Б., 1975
© АСТ, 1975

Содержание

От автора	6
Глава 1	7
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Барбара Картленд

Зов сердца

Barbara Cartland
CALL OF THE HEART

Печатается с разрешения Cartland Promotions и литературных агентств Rupert Crew Limited и Andrew Nurnberg.

© Barbara Cartland Ebooks Ltd, 1975
© Перевод. Е. А. Мордашев, 2016
© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

От автора

Пока в Уголовное уложение не была внесена соответствующая поправка, молодых девственниц из Англии тайно вывозили на континент и там продавали как домашний скот.

В 1880 году Уильям Томас Сед, редактор «Пэлл Мэлл Газетт», начал кампанию за освобождение детей-рабов, стараясь возбудить общественное негодование против парламента, который снова и снова отклонял поправку к Уголовному уложению.

Сед всего за один фунт купил тринадцатилетнюю девочку у ее матери. Врач выдал ему свидетельство, что девочка – девственница, и Сед взял ее с собой во Францию, где поместил в общежитие Армии спасения.

Обо всем этом он написал статью в своей газете, мгновенно пробудив интерес общественности.

Сед подвергся судебному преследованию, его приговорили к трехмесячному тюремному заключению. Но 14 апреля 1885 года поправку к Уголовному уложению приняли 179 голосами против 71. Это создавало условия для защиты женщин и детей и для борьбы с борделями.

Торговля женщинами все еще процветает во многих регионах мира, особенно – на Среднем Востоке.

Глава 1

1819 год

– Но, Софи, ты не можешь так поступить!

– Я могу поступать, как хочу!

Золотистые вьющиеся волосы, розовато-белоснежная кожа, правильные черты лица обеспечили Софи Стадли колоссальный успех в свете. На нее обращали внимание многие завсегдатаи Сент-Джеймского дворца. Ее называли «несравненной». Через два месяца после начала лондонского сезона она обручилась с Джулиусом Вертоном, который после смерти своего дяди должен был стать герцогом Йелвертоном.

О помолвке было объявлено в «Газетт», и в дом в Мэйфере, который леди Стадли сняла на зиму, уже начали доставлять свадебные подарки.

И вот за две недели до свадьбы Софи заявляет, что намерена бежать с лордом Ротвином.

– Будет грандиозный скандал! Зачем тебе это? – волновалась Лалита.

Девушки были почти ровесницами, но если Софи воплощала идеал красоты английской розы, Лалита имела самый жалкий вид. А после болезни, которую она перенесла зимой, слуги говорили о ней: «Кожа да кости». От постоянного шитья при тусклом свете свечи глаза у нее опухли и покраснели.

Блеклые безжизненные волосы казались какими-то мышино-серыми. Нелепо зачесанные назад, они открывали лоб, который бороздили морщинки, а лицо выражало постоянную тревогу.

– Джулиус действительно когда-нибудь станет герцогом, иначе я бы и не помышляла о браке с ним, но когда? – твердо возразила Софи. – Герцогу Йелвертону не больше шестидесяти. Он может прожить еще лет десять-пятнадцать. К тому времени я буду уже стара, чтобы полностью насладиться положением герцогини.

– Ты будешь еще красивой! – произнесла Лалита.

Софи посмотрелась в зеркало и довольно улыбнулась. Ей чрезвычайно шло дорогое платье из бледно-голубого крепа с модным вырезом-лодочкой и большим кружевным воротником. Новый корсет из Парижа и пышная юбка умело подчеркивали стройность ее талии.

– Да, – произнесла она медленно, – я буду еще красива, но больше всего на свете мне хотелось бы сразу стать герцогиней, чтобы присутствовать на открытии парламента, носить диадему и участвовать в коронации. – Софи помолчала, а затем добавила: – Этот скучный, ворчливый старый король наверняка скоро умрет!

– Возможно, тебе не придется слишком долго ждать, – проговорила Лалита мягким музыкальным голосом.

– Я вообще не собираюсь ждать. Сегодня вечером я убегаю с лордом Ротвином! Он один из богатейших людей Англии и дружен с регентом, а это кое-что да значит.

– Но он старше господина Вертона, – сказала Лалита, – и мне кажется, хотя я никогда его не видела, что он внушает благоговейный страх.

– Да. Он брюнет, вид у него весьма зловещий, и он очень циничен. Но это и делает его таким привлекательным!

– Он любит тебя? – тихо спросила Лалита.

– Они оба меня обожают! Но, я полагаю, выбор в пользу лорда Ротвина – лучший.

На мгновение воцарилась тишина, а затем Лалита спросила:

– Но с кем ты была бы счастливее?

– Ты опять читала! Мама придет в ярость, если поймает тебя за этим занятием!

Любовь – это для книг и для скотниц, а не для настоящих леди!

– И ты можешь себе представить брак без любви?

– Я хочу выйти замуж за того, *кто* способен дать мне больше преимуществ как женщине. Убедена, что именно лорд Ротвин способен это сделать.

Софи отвернулась от зеркала и прошла к платяному шкафу. В нем висело множество роскошных платьев, но Лалита знала, что ни одно из них не было оплачено. Зато Софи умело использовала их, чтобы привлечь к себе внимание светских щеголей. На сегодняшний день она получила уже три предложения руки и сердца.

Первое – от Джулиуса Вертона, будущего герцога Йелвертона. Второе – совершенно неожиданно – на прошлой неделе от лорда Ротвина. Третье, впрочем, немедленно отвергнутое, было от сэра Томаса Уэрнсайда, пожилого и развращенного игрока, которого друзья привыкли считать закоренелым холостяком. Но и он потерял голову от красоты Софи.

Когда Джулиус Вертон сделал ей предложение, на мгновение Софи показалось, будто все ее мечты сбылись. Перспектива стать герцогиней превосходила самые смелые ожидания тщеславной красавицы. Но существовали и некие неудобства, которые нельзя было принять во внимание. И худшее из них заключалось в том, что Джулиус Вертон был небогат и получал лишь пособие от дяди.

Эта относительно небольшая сумма давала возможность Джулиусу и Софи жить сравнительно комфортно, но довольно скромно, пока Джулиус не унаследует поместье Йелвертон, к тому же находившееся вдали от Лондона.

Лишиться возможности блистать в лондонском высшем свете было для Софи невыносимо, но и отказать будущему герцогу она не могла.

Леди Стадли поспешила поместить в «Газетт» объявление о предстоящей свадьбе. Венчание должно было состояться в церкви Святого Георгия на Ханновер-сквер перед отъездом регента на отдых в Брайтон.

Софи примеряла наряды, выражала признательность за подарки, ежедневно прибывавшие на Хилл-стрит, благодарила за поздравления и наилучшие пожелания, что доставляло ей наибольшее удовлетворение.

У Софи с матерью в Лондоне не было друзей. Как они объясняли всем, кто желал слушать, их родовое гнездо находилось в Норфолке, где предки последнего сэра Джона Стадли жили со времен Кромвеля.

Возможно, фамилия Стадли и была одной из самых уважаемых и знатных фамилий в стране, но она была неизвестна высшему обществу. Так что Софи имела основания гордиться: своим успехом в свете она была обязана только прекрасному личику.

Все шло гладко, пока неожиданно не появился лорд Ротвин.

Софи встретила с ним на балу. Она стояла под сияющей огнями люстрой, и в свете свечей ее волосы отливали золотом, а молочная белизна кожи казалась особенно ослепительной. Ее соблазнительная улыбка могла вскружить голову самым стойким мужчинам.

– Это кто – дьявол? – услышала она чей-то голос и в другом конце зала увидела брюнета с сардоническим выражением лица, который пристально смотрел на нее.

Она привыкла к восхищению мужчин, поэтому лишь слегка повернула голову влево, чтобы еще лучше был виден ее безупречный профиль.

– А кто тот джентльмен, который только что вошел в комнату? – тихо спросила она своего кавалера.

– Это лорд Ротвин. Разве вы с ним не встречались? – ответил тот. – Он странный и непредсказуемый человек, характер у него дьявольский, но он богат, как Крез, и сам регент советуется с ним по поводу всех своих сумасшедших строительных проектов.

– Ну, если это он одобрил строительство павильона в Брайтоне, он, должно быть, безумец! – воскликнула Софи. – Вчера кто-то назвал этот павильон индусским кошмаром!

– Хорошо сказано! Но я вижу, лорд Ротвин намерен с вами познакомиться.

Действительно, лорд Ротвин в сопровождении общего знакомого направлялся к Софи.

– Мисс Стадли, – произнес этот знакомый, – могу ли я представить вам лорда Ротвина? Несомненно, два столь выдающихся украшения общества должны познакомиться.

Лорд Ротвин поклонился с элегантностью, которой она от него не ожидала, Софи в ответ изящно присела, не отрывая от него взгляда ярко-синих глаз.

– Я был далеко от Лондона, мисс Стадли, – тихо проговорил лорд Ротвин, – и, вернувшись, был поражен: внезапно все изменилось, словно освещенное неземным светом.

Это было начало ухаживания, настолько мощного и страстного, что Софи не могла не заинтересоваться.

Цветы, письма, подарки. Отдельный экипаж. Приглашения в Оперу. Прием в ее честь в Ротвин-Хаусе.

– Там присутствовал его королевское высочество! – ликующим тоном рассказывала Софи. – Он поздравлял меня с моей помолвкой, но, несомненно, понял, что лорд Ротвин тоже у моих ног! Он меня обожает! Если бы он попросил моей руки раньше, чем Джулиус, я приняла бы его предложение! Теперь, конечно, придется пожертвовать пышной свадьбой. Я даже не смогу надеть мое красивое свадебное платье, – задумчиво продолжала Софи, – но его светлость обещал мне блестящий прием после возвращения из свадебного путешествия.

– Но все будут потрясены твоей... жестокостью по отношению к господину Вертону, – нерешительно проговорила Лалита.

– Это не помешает им принять приглашение в Ротвин-Хаус. Все знают, что Джулиус, пока не станет герцогом, не сможет давать больших приемов.

– И все же ты должна сдержать слово, – тихо произнесла Лалита.

– Ну, я, к счастью, не столь щепетильна. Но я заставлю его светлость считать, что принесла жертву ради него.

– Он думает, ты любишь его?

– Конечно! Я ведь сказала ему, что соглашаюсь на побег только потому, что не могу жить без него! – Софи рассмеялась недобрым, жестким смехом.

– Я могла бы сказать то же самое любому богачу вроде этого Ротвина, хотя земляничные листья в герцогской короне очень пошли бы к моим волосам. – Слегка вздохнув, она добавила: – Что ж, возможно, его светлость долго не проживет. Тогда я останусь богатой вдовой и смогу выйти замуж за Джулиуса, когда он станет наконец герцогом Йелвертоном! В конце концов, Элизабет Ганнинг не красивее меня, а она дважды выходила замуж за герцогов.

Лалита промолчала, поняв, что разубеждать Софи бесполезно.

– Не уверена, что это платье подходит для побега, – заметила Софи. – Ночью еще холодно. Я накину мой синий бархатный плащ, подбитый горностаем.

– Его светлость пришлет за тобой?

– Конечно, нет! Он уверен, что мама не знает о наших планах.

– Где же вы встречаетесь?

– У церкви Святого Алфея, что к северу от Гросвенор-сквер. Это маленькая и довольно убогая церквушка, но его светлость находит, что она словно создана для тайного венчания.

Софи презрительно улыбнулась и добавила:

– К тому же тамошнего священника можно деньгами заставить держать рот на замке.

– А куда вы поедете после того, как поженитесь?

– Какое это имеет значение, если я уже буду леди Ротвин, – пожала плечами Софи.

– А как же... господин Вертон? – нерешительно спросила Лалита.

– Я написала ему записку. Грум доставит ее непосредственно перед моим появлением в церкви. Мы решили, что это будет выглядеть достойнее: сообщить ему прежде, чем церемония фактически состоится. – Софи улыбнулась. – На самом деле Джулиус со своей бабушкой

в Уимблдоне. Мое письмо он получит, когда я уже выйду замуж. По крайней мере, я буду чиста в его глазах. А приезжать, чтобы вызвать его светлость на поединок, будет поздно!

– Мне жаль господина Вертона, – тихо сказала Лалита. – Он так влюблен в тебя, Софи.

– Так и должно быть! Но, откровенно говоря, мне он всегда казался нудным!

Лалита знала, что Джулиус никогда не интересовал Софи. Его страстные письма оставались нераспечатанными. Цветы оставляли Софи равнодушной, и она неизменно жаловалась, что его подарки недостаточно хороши.

– Который час? – спросила Софи из-за туалетного столика.

– Половина восьмого.

– Почему ты до сих пор не принесла мне поесть? Мне нужно подкрепиться перед событиями сегодняшнего вечера.

– Во сколько вы встречаетесь с его светостью?

– Он будет в церкви в половине десятого, но я намереваюсь заставить его ждать. Пусть помучается, думая, что в последний момент я могу отказаться.

Не успела Лалита выйти из комнаты, Софи распорядилась:

– И пошли моему жениху записку. Она на моем столе.

Адрес на записке был нацарапан обычным неряшливым почерком Софи. Лалита на мгновение остановилась, держа письмо в руках, с чувством, что Софи совершает нечто такое, о чем потом, возможно, будет горько сожалеть. Но, сказав себе, что это не ее дело, Лалита спустилась по темной узкой лестнице вниз.

Слуг в доме не хватало. Каждый пенни своих скудных средств леди Стадли тратила на арендную плату за дом и на наряды Софи.

Страдала от этого только Лалита. В Лондоне она работала с утра до поздней ночи и была одновременно и поварихой, и горничной, и компаньонкой, и посыльной.

Мачеха ненавидела ее и после смерти отца перестала скрывать свою ненависть, особенно здесь, в Лондоне, где не было слуг, которые знали Лалиту еще ребенком. Теперь девушка выполняла самую грязную работу, и ее жестоко наказывали, если она осмеливалась возражать.

Иногда Лалита думала, что мачеха желает ее смерти, и это было не так уж далеко от истины. Только *она* знала правду; знала тайны, на которых леди Стадли строила новую жизнь для себя и для своей дочери.

Когда Лалита заболела, леди Стадли запретила слугам ухаживать за ней. Пока она лежала у себя в спальне, ее даже не кормили. Чтобы не умереть от голода, Лалита вынуждена была спуститься вниз.

– Если ты достаточно хорошо себя чувствуешь, чтобы есть, значит, ты можешь работать! – сказала ей мачеха, и Лалита снова впряглась в домашнюю работу, которую никто и не собирался делать, пока она болела.

Сейчас, направляясь по холодному каменному полу в кухню, Лалита видела, что кругом царят грязь и беспорядок. Но кроме нее, не было никого, кому можно было бы приказать все вычистить. Оставалось лишь надеяться, что мачеха не обратит на это внимания.

Кухня была унылая и полутемная. Слабый свет едва проникал через окно, которое находилось ниже уровня тротуара. Грум сидел за столом и пил пиво. Неряшливая женщина с седыми волосами, которые выбивались из-под поварского колпака, что-то готовила на плите. Это была иммигрантка из Ирландии. Наняли ее три дня назад. Готовить она не умела, но никто не соглашался работать за такое скудное жалованье, которое предлагала леди Стадли.

– Не могли бы вы передать это письмо вдовствующей герцогине Йелвертон? – спросила Лалита. – Это где-то на окраине Уимблдона.

– Пойду, когда допью свое пиво, – ответил грум, не сделав ни малейшего усилия, чтобы встать. Слуги быстро поняли, что она в доме – последний человек, и не особо старались исполнять ее распоряжения.

– Спасибо, – сдержанно поблагодарила Лалита и обратилась к поварихе: – Мисс Стадли хотела бы поесть.

– Пока ничего нет. Жаркое еще не готово.

– Наверное, есть яйца, можно приготовить омлет.

– Я не могу отрываться от готовки.

Ничего другого Лалита и не ждала. Она нашла сковородку, вычистила ее и сама занялась приготовлением омлета с грибами для Софи. Потом положила на тарелку тосты, поставила на поднос масленку и кофейник с горячим кофе.

Грум неохотно встал, ворча, что уже слишком поздно тащиться в Уимблдон.

– Разве это не может подождать до завтрашнего утра? – недовольно спросил он.

– Вы знаете ответ на ваш вопрос! – проговорила Лалита и пошла наверх, размышляя, что сказала бы ее мать, если бы услышала, как разговаривают слуги в ее присутствии.

При мысли о матери к глазам девушки подступили слезы. Она чувствовала, что очень устала. За день ей пришлось переделать много разных дел. Ноги у нее болели, хотелось присесть и отдохнуть, хотя бы на мгновение. Но пока весь дом не засыпал, ей это редко удавалось.

Лалита открыла дверь спальни Софи.

– Куда ты запропастилась? – недовольно спросила она.

– Я делала омлет. Больше ничего не было.

– Почему нельзя заказывать столько продуктов, чтобы всегда под рукой их было достаточно? – проворчала Софи. – Ты просто безнадёжная тупица!

– Мясник больше ничего не будет отпускать, пока мы не оплатим его счета, – сказала извиняющимся тоном Лалита, – а сегодня утром и торговец рыбой сказал, что больше не даст нам в кредит даже куска трески.

– У тебя всегда полно оправданий. Ладно, давай свой омлет. – Омлет был просто восхитителен. – Налей мне кофе, – приказала Софи, покончив с ним.

– Я слышала стук дверного молоточка, – сказала Лалита, прислушавшись. – Джим понес твою записку к Йелвертонам, а повариха открывать не станет.

– Так поди открой! – распорядилась Софи.

Лалита открыла парадную дверь, и ливрейный лакей вручил ей письмо.

– Для мисс Софи Стадли, мисс!

Лалита подумала, что это, должно быть, еще одно любовное письмо из тех, что приносили Софи ежедневно.

Девушка пошла наверх, но услышала крик из задней комнаты, где помещалась спальня леди Стадли.

Лалита положила письмо на стол в прихожей и пошла в комнату мачехи.

Леди Стадли была уже одета для приема, на который должна была отправиться через полчаса.

Это была крупная женщина, лицо которой хранило следы былой красоты, но с возрастом его черты огрубели, а фигура расплылась. И все же она умела выглядеть привлекательной, а манера общения заставляла многих находить ее весьма приятной собеседницей.

Только домашние знали, насколько она скупа, сварлива и жестока. Лалита испытывала неопишимый страх, когда замечала, что мачеха чем-то разгневана. На этот раз, когда падчерица вошла в комнату, леди Стадли держала перед собой кружевное платье с порванной нижней оборкой.

– Еще позавчера я приказала тебе зашить это, – проговорила она.

– Я не забыла, – ответила Лалита. – Но днем у меня не было времени, а ночью я плохо вижу тонкое кружево. У меня болят глаза.

– Ты ленивая маленькая неряха! Тратишь впустую мои деньги вместо того, чтобы работать. Я тысячу раз говорила, чтобы мои приказания исполнялись немедленно! – Она швырнула кружевное платье к ногам Лалиты. – Я так проучу тебя, что навсегда отобью охоту пренебрегать моими распоряжениями! – кричала мачеха. Она схватила трость, и когда Лалита наклонилась, чтобы подобрать с пола платье, на нее обрушился град ударов. Мачеха толкнула девушку, так что та упала на колени, но не прекращала избивать ее.

– Проклятая бездельница! – неистовствовала леди Стадли. – Я заставлю тебя понять, где твое место! Я научу тебя повиноваться!

От боли и страха Лалите казалось, что она задыхается. Так случалось с ней и прежде. Удары продолжали сыпаться, и Лалита чувствовала, как темнота обволакивает ее, темнота, которая перемежалась огненными вспышками, когда очередной удар мучительно терзал ее тело. Внезапно дверь резко распахнулась.

– Мама! Мама! – пронзительный голос Софи остановил руку леди Стадли, занесенную для удара. – Как вы думаете, что произошло? – спросила Софи, подавая матери письмо, которое Лалита оставила на столе в прихожей. – Герцог Йелвертон умирает! Кто-то по поручению Джулиуса написал, что он должен немедленно ехать в Гемпшир и поэтому не может встретиться со мной сегодня.

– Дай-ка посмотреть. – Леди Стадли взяла листок из рук дочери, поднесла его поближе к свече на туалетном столике и прочла вслух: – «Г. Джулиус Вертон просил, чтобы я передал вам, сударыня, его искренние сожаления в связи с тем, что он не сможет посетить вас сегодня вечером, как намеревался ранее. Он срочно вызван к постели своего дяди, его светлости герцога Йелвертона, и спешно отбыл в Гемпшир. К сожалению, ожидается, что его светлость не переживет сегодняшнюю ночь. С искренним уважением, Кристофер Дьюар».

– Понимаешь, что это значит, мама? – торжествующим голосом спросила Софи.

– Вот оказия! – воскликнула леди Стадли. – И лорд Ротвин будет тебя ждать!

– Но мама! Я должна стать герцогиней! – почти кричала Софи.

– Ну конечно! Теперь отпадают все сомнения по поводу твоей свадьбы.

– Я должна сообщить лорду Ротвину, что не могу выйти за него замуж, – тихо пробормотала Софи. – Не сомневаюсь, что он будет в ярости.

– Сам виноват! – отрезала леди Стадли. – Он не должен был уговаривать тебя бежать с ним.

– Но я не могу заставить его ждать напрасно, – заметила Софи и вдруг пронзительно вскрикнула: – Моя записка Джулиусу! Я велела Лалите отослать ее с грумом!

Лалита в эту минуту поднималась с пола. Ее растрепанные волосы в беспорядке спадали на израненные кровоточащие плечи, лицо было пепельно-бледным, глаза полузакрыты.

– Лалита! Что ты сделала с запиской к Вертону? – спросила леди Стадли.

– Я отдала ее... груму... он ушел! – не сразу, с трудом смогла выговорить девушка.

– Ушел? – не своим голосом закричала Софи. – Кто-то должен его остановить!

– Не волнуйся, – успокоила ее леди Стадли. – Джулиуса ведь не будет в доме его бабушки. В письме от этого Дьюара говорится, что он отправился в Гемпшир. А завтра рано утром надо пойти в дом вдовствующей герцогини и забрать записку. Ты разорвешь ее и забудешь о том, что когда-либо писала что-то подобное.

– Какая ты умная, мама! – воскликнула Софи.

– Если бы не я, где бы ты была сегодня, – отозвалась леди Стадли.

– А что же делать с лордом Ротвином?

– Что ж, надо сообщить ему, что ты передумала! Что ты все обдумала и считаешь себя не вправе нарушить слово чести, данное Джулиусу Вертону.

– Да, наверное, так и надо поступить, – согласилась Софи. – Написать ему?

– Пожалуй... – произнесла леди Стадли, но неожиданно воскликнула: – Нет! Нет! Никогда не надо оставлять письменных свидетельств! Можно найти выход из самых трудных ситуаций, если только ничего не написано черным по белому.

– Я не собираюсь с ним объясняться, – с внезапной тревогой проговорила Софи.

– Почему же? – осведомилась мать.

– Потому что, честно говоря, мама, я боюсь его. Он очень властный. Он сможет вытянуть из меня правду.

– Мне всегда казалось, что он для тебя неподходящая партия, – сказала леди Стадли. – Хорошо, значит, должен идти кто-то еще.

– Только не ты, мама! – быстро проговорила Софи. – Я много раз говорила ему, что ты не одобрила бы мой побег. Он только еще больше разозлится.

– Это должна будет сделать Лалита, – ответила леди Стадли, – хотя, Бог знает, справится ли она.

Лалита, нетвердо ступая, в этот момент направлялась к двери, держа в руках кружевное платье.

– Куда ты? – грубо осведомилась леди Стадли.

Лалита, не отвечая, стояла, покачиваясь, бессмысленно глядя на мачеху. Ее опухшие глаза были еще полны слез. Она была так бледна, что Софи раздраженно проговорила:

– Мама, дай ей что-нибудь выпить. Она выглядит так, будто вот-вот умрет!

– И хорошо бы! – ответила леди Стадли.

– Сначала она должна сообщить лорду Ротвину...

– От нее одни неприятности! – резко произнесла леди Стадли, но подошла к умывальнику, на котором стояла бутылка бренди, к которой она частенько прикладывалась. Налив немного бренди в стакан, она протянула его Лалите. – Пей! – приказала она. – Жалко, конечно, переводить добро на такое чучело!

– Я сейчас буду... в... порядке...

– Ты будешь делать то, что я говорю. Или тебе мало одной взбучки?

С трудом передвигаясь, потому что каждый шаг причинял ей боль, Лалита пересекла комнату, взяла стакан и выпила бренди, чувствуя, как обжигающий жар разливается по ее телу.

– Теперь слушай, Лалита, и если ты опять сделаешь что-нибудь не так, я изобью тебя до потери сознания! – грозно проговорила мачеха.

– Я... слушаю, – пробормотала Лалита.

– В девять тридцать дилижансом ты поедешь к церкви Святого Алфея, встретишь там лорда Ротвина и объяснишь ему, что Софи слишком благородна и добра, поэтому она решила не разбивать сердце господина Вертона, а выйти за него замуж, как обещала. – Мачеха сделала паузу и спросила: – Ты все поняла?

– Да, – ответила Лалита. – Но, пожалуйста... не заставляйте меня... делать этого!

Леди Стадли угрожающе подняла трость.

– Нет, мама! – быстро сказала Софи. – Если вы побьете Лалиту, она потеряет сознание и от нее не будет никакой пользы. Я сама поговорю с ней. Дилижанс будет здесь не раньше чем через час.

– Хорошо, – неохотно проговорила леди Стадли.

Послышался стук в дверь.

– Это моя карета. Что лучше: поехать мне на прием, как мы планировали, или остаться дома и ждать печальных известий о смерти старого герцога?

– Я думаю, мама, ты должна остаться. Если Джулиус узнает, что после его письма ты отправилась на прием, он сочтет это проявлением бездушия.

– Конечно! Как я не подумала об этом. – Она засмеялась. – Хорошо, я останусь дома и проведу долгий, скучный вечер. Но, дорогая! Как я мечтала увидеть тебя когда-нибудь с герцогской диадемой!

– О! – воскликнула Софи. – Я никогда бы себе не простила, если бы вышла за лорда Ротвина, а потом узнала, что Джулиус стал герцогом.

– Слава богу, ты узнала вовремя! – воскликнула леди Стадли. Она посмотрела на дочь и добавила: – Сними это платье. Оно же одно из лучших у тебя. И поскорее убери от меня это чучело!

– По крайней мере, она полезна, – откликнулась Софи. – Кого еще мы могли бы послать к лорду Ротвину?

– Да, его ждут плохие новости! – захихикала леди Стадли. – Редко я видела, чтобы человек был так влюблен, как его светлость.

– Переживет! – ответила Софи и вышла из комнаты.

Лалита последовала за нею.

– Скорее! – поторопила ее Софи. – Ты же знаешь, что я не могу расстегнуть это платье сама.

Лалита положила на стул кружевное платье и проговорила:

– Софи, не заставляй меня это делать... Я... чувствую, что его светлость очень... рассердится. Даже больше, чем... твоя мать.

– Почему ты не зовешь ее мамой?

– Я... я и подразумевала... мама.

– Не удивляюсь, что ты доводишь ее до бешенства, – раздраженно проговорила Софи. – Если лорд Ротвин тоже задаст тебе взбучку, это будет вполне справедливо, так ты глупа!

– Я больше не выдержу, – прошептала Лалита.

Софи поглядела на Лалиту и добавила немного мягче:

– Возможно, сегодня вечером мама была слишком груба. Она очень сильная. Как это ее трость до сих пор не переломала тебе кости!

– Я... боюсь. Боюсь... лорда Ротвина и его... гнева.

– Ты никогда его не видела. Что ты знаешь о его гневе?

Лалита не отвечала, и Софи произнесла более настойчиво:

– Скажи мне! Ты что-то знаешь, я же вижу.

– Это... книга, которую я нашла здесь... в доме. Она называется «Легенды об известных семействах Англии».

– Это интересно, – проговорила Софи, – почему ты не показала ее мне?

– Ты не слишком любишь читать, – ответила Лалита, – и к тому же я... боялась... расстроить тебя!

– Расстроить меня? Что же там говорится?

– Там прослеживается происхождение рода Ротвинов от его основателя, сэра Хенджиста Ротвина, авантюриста и пирата... Он был очень... богатый человек и очень... жестокий. Как сказано в этой книге, Ротвины унаследовали буйный нрав их предка. Имя лорда Ротвина – Иниго – означает «пламенный».

– Хорошо, что я избавилась от подобного джентльмена! – сухо заметила Софи.

– Существует четверостишие о сэре Хенджисте, написанное в 1540 году, – неохотно продолжала Лалита. Слабым, дрожащим голосом она прочла:

Черные волосы, черные глаза,
Черный гнев.
Так берегись,
Коли Ротвин отомстить поклялся!

Софи засмеялась.

– Не воображай, что я испугаюсь подобного вздора!

Глава 2

Подъезжая к церкви, Лалита чувствовала себя ужасно.

Бренди лишь ненадолго привел ее в чувство, но теперь на нее навалилась какая-то противоестественная усталость, а окровавленная спина невыносимо болела.

Хорошо еще, что Софи не дала мачехе избить ее до потери сознания, как это уже не раз случалось раньше.

Всего лишь на прошлой неделе леди Стадли, в очередной раз разозлившись на нее, пришла в спальню Лалиты, когда девушка уже собиралась лечь спать. В тот раз она била ее, пока Лалита не свалилась без сознания на пол, где пролежала несколько часов.

В конце концов, собрав остаток сил, она доползла до кровати, но до самого утра не могла унять дрожь и уснуть.

Она ясно сознавала, что слабеет, что болезнь, которую она перенесла после Рождества, подорвала ее последние силы. Порой она молила Небеса послать ей смерть, но потом вспоминала мать и запрещала себе подобное малодушие.

Ее мать – маленькая, нежная и хрупкая – всегда восхищалась смелыми людьми.

– В жизни всем нам приходится порой совершать смелые поступки, – сказала она Лалите однажды, – но самое трудное – это то, что требует не столько физической смелости, сколько духовной. – Позволить леди Стадли убить себя представлялось Лалите трусливым бегством из невыносимого ада, в котором она оказалась после смерти отца.

Счастливые годы ее детства неизменно были наполнены светом. Хотя ее мать не обладала крепким здоровьем, хотя в доме не всегда было достаточно денег, они ни на что не променяли бы невыразимую радость их совместной жизни.

Ее отца – большого, добродушного, милого человека – любили и уважали все, кто работал и жил в его поместье.

Став старше, Лалита поняла, что именно доброта и мешает ее отцу преуспеть в жизни. Он никогда не мог заставить себя повысить арендную плату фермерам или выселить сильно задолжавшего арендатора. Поэтому семье часто не хватало денег для ремонта и обновления сельскохозяйственного инвентаря и даже для семейных нужд. Но его жена никогда не роптала.

– Мне так повезло, – часто говорила она Лалите. – Муж и дочь – для меня самые замечательные люди на свете!

Их дом, в котором жили уже пять поколений семьи Стадли, находился в отдаленной части графства. Земля здесь была превосходная, но соседей у них было мало, и приемы устраивались редко.

– Когда ты вырастешь, ты поедешь в Лондон и будешь наслаждаться балами и приемами, как я, когда была молоденькой девушкой, – говорила Лалите мать.

– Я абсолютно счастлива и здесь, с тобой и с папой, – обычно отвечала Лалита.

– Все матери хотят, чтобы их дочери пользовались успехом в свете, – задумчиво проговорила мать, – но я после своего первого лондонского сезона вернулась, чтобы выйти замуж за того, кого знала с раннего детства. – Она улыбнулась и добавила: – Именно в Лондоне я убедилась, что твой отец – единственный человек, которого я люблю и с кем хочу прожить всю жизнь.

– Тебе повезло, мама, – ответила Лалита. – Имение твоего отца находилось неподалеку от папиного, так что жених был у тебя почти на пороге. Но здесь никого для меня нет.

– Поэтому, Лалита, мы и должны экономить каждый пенни, чтобы, когда тебе исполнится семнадцать с половиной, ты смогла бы покорить своей красотой лондонский свет.

– Я никогда не буду так красива, как ты, мама. Папа говорит, что никогда не встречал никого прекраснее тебя.

– Если, вернувшись из Лондона, ты будешь думать так же, я, может, и поверю, – засмеялась мать.

Но Лалите не суждено было пережить волнения своего первого лондонского сезона.

Холодной зимой ее мать скоропостижно скончалась. И для Лалиты, и для ее отца это была беда, столь же огромная, сколь и неожиданная. В нее трудно было поверить. Осталась только могила на кладбище. Дом опустел.

– Я даже не знал, что она была больна, – твердил отец.

После смерти жены он изменился, превратился в человека угрюмого и грубого, пил иногда ночи напролет. Потерял всякий интерес к тому, что занимало его прежде.

Зимней ночью, когда отец, пьяный, возвращался домой с постоялого двора, с ним произошёл несчастный случай.

Нашли его лишь утром. Он был очень плох.

Его привезли домой, он болел более двух месяцев, но чувствовалось, что этот человек утратил желание жить.

Именно тогда в доме и появилась госпожа Клементс.

Примерно год назад отец однажды за завтраком спросил мать:

– Помнишь довольно неприятного типа по имени Клементс? Он держал аптеку в Норвиче.

– Конечно, помню, – ответила мать Лалиты. – Мне всегда казалось, что он довольно неглуп.

– И мой отец, и мой дед всегда покупали в этой аптеке разные снадобья.

– Но Клементс не из Норфолка, – улыбнулась мать, – хотя много лет прожил в Норвиче.

– Я знаю, – ответил сэр Джон, – но я чувствую, что должен помочь его дочери.

– Его дочери? Я, кажется, припоминаю, была какая-то неприятная история...

– Да. Когда ей было всего семнадцать, она сбежала с молодым армейским офицером. Старый Клементс был в ярости и заявил, что не желает иметь с ней ничего общего.

– Да, да, я припоминаю, – проговорила леди Стадли. – Моя мать была глубоко потрясена поступком молодой женщины. Но она всегда была очень строга.

– Да, и впрямь, – с улыбкой произнес сэр Джон. – Не думаю, что она принимала меня всерьез.

– Она полюбила тебя после того, как мы поженились, – мягко заметила леди Стадли, – потому что видела, как я счастлива.

Лалита, которая внимательно слушала их разговор, спросила:

– Что же случилось с дочерью этого Клементса?

– Она вернулась. Я видел ее сегодня утром, и она спросила меня, не мог бы я сдать ей в аренду дом, – ответил сэр Джон.

– О, мне кажется, такие люди нам в имении не нужны, – быстро проговорила мать Лалиты.

– А я пожалел ее, – проговорил сэр Джон. – Человек, с которым она убежала, оказался подлецом. Он так и не женился на ней, а через несколько лет и вовсе бросил без средств, с ребенком на руках. Она работала прислугой, чтобы заработать на жизнь.

– Если бы господин Клементс был жив, у него случился бы разрыв сердца! – сказала леди Стадли. – Он всегда держался очень надменно.

– Да, от семейства Клементсов ей ждать помощи не приходится, но я чувствовал, что не могу отказать ей.

– И ты сдал ей дом в аренду?

– Да, тот, что около церкви. Он небольшой, но там хватит места для женщины с ребенком.

– Ты слишком добросердечен, Джон, – произнесла мать Лалиты. – Ее не слишком-то хорошо встретят в этих краях.

– Ей и самой не захочется общаться с деревенскими. Она, кажется, особа образованная и все еще хороша собой. Дочь у нее – ровесница Лалиты или, может быть, чуть-чуть постарше.

Сэр Джон помолчал, а потом смущенно добавил:

– Она сказала, что, если потребуется что-то сделать по дому, она будет рада помочь.

– Не сомневаюсь, – поспешила ответить мать Лалиты, – но сейчас нам никто не нужен.

До смерти матери Лалита ни разу не видела госпожу Клементс.

Она пришла в дом, когда положение оказалось особенно трудным: двое из старых слуг ушли на покой, в доме стало не хватать прислуги. Эпидемия лихорадки, которая свирепствовала той зимой, заставила и троих оставшихся покинуть дом.

Сэра Джона ничто не заботило. Мрачный, он либо напивался у себя в кабинете, либо верхом доезжал до соседнего постоялого двора и там снова пил до потери сознания.

Госпожа Клементс предложила Лалите свою помощь, и та согласилась, потому что положение было безвыходное.

Она сумела руководить сэром Джоном, что вызвало у Лалиты восхищение. Только госпожа Клементс могла убедить его поесть. Когда он возвращался из поездки верхом, в его кабинете ярко горел камин, а около него стояли удобные шлепанцы. Только госпожа Клементс могла убедить сэра Джона принять какие-либо решения относительно имения. Больше он никого не слушал.

И когда после несчастного случая умирающего сэра Джона принесли домой, Лалита, естественно, обратилась к ней за помощью.

– Не волнуйтесь, я позабочусь о нем, дорогая, – ответила госпожа Клементс, и Лалита, сама не своя от слез, вверила ей бразды правления домом. Впрочем, госпожа Клементс могла обмануть и гораздо более проницательного и искушенного человека, чем шестнадцатилетняя девушка. Они с дочерью уверенно вселились в дом.

Софи, как и ее мать, всячески старалась очаровать Лалиту, хотя иногда та испытывала смутное недовольство, видя, как бесцеремонно Софи пользуется ее вещами. Впрочем, Лалита уверяла себя, что не надо быть эгоисткой.

Когда сэра Джона похоронили и его друзья разъехались, Лалита в черном платье бродила по опустевшему дому и думала, что теперь она осталась совершенно одна. Она решила написать брату своей матери, который переехал из Норфолка в Корнуолл, приобретя там много лет тому назад имение.

Ее мать все время собиралась навестить его.

– Ты полюбишь Амброуза! – говорила она дочери. – Он старше меня, и именно ему я обязана тем, что так люблю деревню.

Но чтобы поехать в Корнуолл, вечно не хватало то времени, то денег. Дядя даже не приехал на похороны сестры, хотя прислал венок и длинное письмо ее мужу с соболезнованиями.

«Может, дядя Амброуз, – думала Лалита, – предложит мне переехать к нему».

Она уже села за стол отца в кабинете, когда госпожа Клементс вошла в комнату.

– Я хочу поговорить с вами, Лалита, – проговорила она совершенно новым, властным тоном. К тому же обращение к ней по имени ее мать, если бы была жива, сочла непростительной дерзостью. – Я хочу, чтобы вы знали, – продолжала госпожа Клементс, – что я была замужем за вашим отцом!

На мгновение Лалита подумала, что ослышалась.

– Но когда и в какой церкви вы венчались? – спросила она.

– Вам лучше не задавать мне слишком много вопросов, – ответила госпожа Клементс. – Просто помните, что вы моя падчерица.

– Я... я вам не верю, – спокойно проговорила Лалита. – Я напишу моему дяде Амброузу, он, вероятно, не знает о смерти моего отца.

– Я запрещаю вам это делать! По закону я ваш опекун, и вы будете повиноваться мне. Вы не будете писать ни вашему дяде, ни кому-либо еще из ваших родственников. Вы остаетесь здесь и не забудьте, что я хозяйка в этом доме!

– Но это неправда! – возразила Лалита. – Папа всегда говорил, что если с ним что-нибудь случится, то и этот дом, и это имение будут моими.

– Полагаю, вам будет нелегко это доказать, – издевательски улыбнулась госпожа Клементс.

Появился поверенный, которого Лалита никогда прежде не видела. Он показал ей написанное неуверенной рукой завешание. Может, то был почерк отца после несчастного случая, а может, и нет. По этому завещанию сэр Джон оставлял все своей «возлюбленной жене, Глэдис Клементс» и ничего – Лалите.

Девушка чувствовала, что здесь какой-то обман, но не сумела возразить поверенному, который заверил ее, что завешание законно и полностью выражает волю покойного. Лалита все-таки написала дяде. Но госпожа Клементс, вернее, леди Стадли, как она теперь себя называла, поймала ее по дороге на почту.

Тогда она впервые избила ее. Она била ее, пока Лалита не взмолилась о пощаде и не пообещала, что не будет больше писать дяде.

Новоявленная леди Стадли была достаточно умна, чтобы не общаться с соседями. Конечно, со временем им стало известно, что незадолго до смерти сэра Джона она вышла за него замуж, а овдовев, стала хозяйкой дома и имения. Ее прежняя фамилия, Клементс, безвозвратно исчезла, словно ее никогда и не существовало.

Но когда и Софи стала называть себя Стадли, Лалита возмутилась:

– Вы мне не сестра! И мой отец вам не отец. Как же вы осмелились присвоить себе мою фамилию?

– А кто сказал, что ваш отец не был и отцом Софи? – спросила ее мачеха, входя в комнату. Было видно, что ей в голову внезапно пришла некая идея.

– Вы прекрасно знаете, что он не мог быть ее отцом, – ответила Лалита. – Вы появились здесь всего год назад.

В течение года больше об этом не упоминалось.

Леди Стадли выжимала из имения каждый пенни. Теперь не было ни малейшего снисхождения фермерам, задерживавшим арендную плату. Фермы распродавались одна за другой; дома сдавались лишь тем, кто мог за них платить; садовники были уволены; цветы, которые так любила мать Лалиты, заросли сорняками. Из дома мало-помалу исчезли все более или менее ценные вещи: сначала – два зеркала эпохи королевы Анны, прежде висевшие в доме матери Лалиты; затем на аукцион в Лондон были отправлены семейные портреты.

– Вы не имели никакого права продавать их, – заявила мачехе Лалита. Это собственность семьи. Поскольку у папы не было сына, я хотела бы, чтобы они достались моему сыну.

– Вы и впрямь уверены, что у вас будет сын? – глумливо проговорила леди Стадли. – Вы воображаете, что на вас кто-нибудь женится? Или я смогу обходиться без служанки? – И действительно: Лалита к этому времени стала бесплатной прислугой в доме, когда-то бывшем ее родным домом.

Прошлым летом Софи исполнилось восемнадцать, и Лалита была удивлена, что леди Стадли не стремится вывезти ее в Лондон. Софи превратилась в очень красивую девушку, и Лалита искренне полагала, что на свете нет никого прекраснее ее «сводной сестры».

После Рождества она поняла, чем вызвано это промедление. В январе леди Стадли сказала:

– Софи – семнадцать с половиной. – Лалита посмотрела на нее с удивлением, но к этому времени она уже научилась не прекословить. – Она родилась, – продолжала леди Стадли, – третьего мая.

– Но это мой день рождения! – воскликнула Лалита. – Третьего мая мне будет восемнадцать.

– Вы ошибаетесь, – ответила леди Стадли. – Вам исполнилось восемнадцать десятого июля прошлого года.

– Это же был день рождения Софи! – проговорила в замешательстве Лалита.

– Вы, кажется, намерены со мной спорить? – спросила мачеха с таким выражением на лице, что Лалита в ужасе отпрянула от нее.

– Нет... не намерена, – запинаясь, проговорила она.

– Софи – ребенок мой и вашего отца, – спокойно продолжала леди Стадли. – Она родилась через десять месяцев после нашей свадьбы, и я легко могу это доказать. Вы же, к сожалению, были рождены до брака!

– Что вы говорите? Я... не понимаю! – закричала Лалита.

И леди Стадли весьма грубо растолковала ей, что они с Софи должны поменяться местами. Отныне отцом Софи должен был считаться не безымянный армейский офицер, а сэр Джон.

– Вы полагаете, что в Лондоне кто-либо усомнится в моих словах? – спросила леди Стадли.

Лалита промолчала. У нее не было в Лондоне ни друзей, ни знакомых. Что могло значить ее слово против слова леди Стадли?

Она была побеждена: она ничего не могла поделать, ей нечего было возразить. Эта наглая выскочка заняла место ее матери, но Лалите некому было даже рассказать свою печальную историю.

Забитая и запуганная леди Стадли, она вообще не смела выходить из дома. Ей самой казалось, что она больше похожа не на леди, а на незаконнорожденного ребенка, которого держат в доме, как уверяла леди Стадли, исключительно из милосердия. К тому же мачеха требовала, чтобы Лалита называла ее «мамой». Если же девушка забывала об этом, леди Стадли избивала ее. Прошло время, и Лалита почувствовала, что у нее не хватает сил бороться даже за память матери.

Прибыв в Лондон, леди Стадли действовала очень продуманно. Денег, которые она выжала из поместья, не могло хватить надолго, поэтому леди Стадли делала ставку исключительно на скорое и выгодное замужество Софи.

На Лалиту не тратилось ни пенни. Она не сомневалась, что, как только леди Стадли обеспечит будущее дочери, от той, чье имя было украдено столь беззастенчиво, поспешат избавиться.

Пока же она работала на них как прислуга. Иногда Лалита возвращалась к мысли написать дяде, но ее удерживал страх наказания. А через три недели после их приезда в Лондон леди Стадли с грубым смехом бросила ей газету.

– Твой дядя умер! Можешь прочесть сама.

– Умер! – горестно вскрикнула Лалита.

– Тебе некогда оплакивать его! Ступай работать!

Исчезла ее последняя надежда на спасение. Теперь она выполняла бесчисленные поручения своих мучителей, а потом, измученная, забывалась тяжелым сном. Голод и побои при-

тупили ее ум. Ей стало трудно не только запоминать то, что ей говорили, но время от времени даже понимать, что говорят люди.

И вот она пыталась вспомнить, что ей было велено передать лорду Ротвину, но, казалось, голова ее пуста и она не в состоянии думать ни о чем, кроме боли, которую ей причиняла кровоточащая спина.

Лалита чувствовала, как ткань платья прилипала к открытым ранам. Она осмелилась расстегнуть платье сзади под темным плащом.

– Если бы только разговор с его светлостью уже состоялся, – бормотала про себя Лалита.

У нее даже возникла безумная мысль – бежать, но куда? У нее не было ни знакомых, ни денег, ни пристанища, а если бы она возвратилась, не встретившись с лордом Ротвином, ее наверняка избили бы до полусмерти.

Карета подъезжала к церкви Святого Алфея. Уже были видны шпиль, церковная ограда и кладбище за ней. Леди Стадли приказала кучеру ждать девушку. Это была некая уступка. Мачеха могла бы предоставить ей добираться домой пешком.

Лошади остановились, и Лалита еще раз отчаянно попыталась вспомнить, что должна сказать.

Она надвинула поглубже капюшон старого плаща, чтобы скрыть лицо. Вся дрожа, девушка уверяла себя, что это не от холода, а от страха.

«Но мне нечего бояться, – мысленно повторяла Лалита, – меня это не касается. Я должна лишь... передать... слова Софи».

Фонарь, висевший над входом в церковь, почти не рассеивал темноту. Церковь вырисовывалась перед ней темным зловещим силуэтом.

Внезапно послышались быстрые шаги, и девушка, еще никого не видя, почувствовала, как ее нежно обняли чьи-то сильные руки.

– Моя дорогая, вы пришли! Я знал, что вы придете!

Губы мужчины нашли ее губы. Она не могла пошевелиться. Эти настойчивые, страстные, требовательные губы не давали ей вымолвить ни слова. Она и не подозревала, что поцелуй может быть таким. С усилием высвободившись, Лалита прошептала:

– ...Пожалуйста... пожалуйста. – Она запнулась. – Я... не... Софи!

– Что я слышу!

Девушка решилась взглянуть на него, и лорд показался ей еще выше, чем она ожидала. Он излучал темную мощную силу, а ниспадавший с плеч плащ делал Ротвина похожим на огромную летучую мышь.

– Кто вы? – резко спросил он.

– Я... я... сестра Софи, – запинаясь, пролепетала Лалита.

Она все еще ощущала его губы на своих губах, его руки на своих плечах.

– Сестра?! Я и не знал, что у нее есть сестра. Где Софи? – Его тон казался угрожающим.

– Я... я... пришла... сообщить вам... милорд, что она... не сможет... прийти.

– Почему?

Лалита пыталась точно припомнить, что она должна ему сказать, но его резкость пугала ее.

– Она чувствует, милорд, что... должна... совершить... благородный поступок... и не может пренебречь... обещанием, которое дала мистеру Вертону.

– Что за бред? Просто вашей сестре сообщили, что герцог Йелвертон умирает. Это так?

– Нет... я... не!.. Нет! – невольно произнесла Лалита.

– Вы лжете! – зарычал Ротвин. – Лжете, как ваша сестра лгала мне. Я верил ей, когда она говорила, что любит меня. Какого же я сваял дурака!

В его голосе было столько презрения, что Лалита сделала отчаянную попытку спасти Софи от падения в глазах этого человека:

– Я... это было... не так... это, – девушка запнулась, – ...она должна была... сдержать свое... обещание, которое дала... прежде, чем встретила вас.

– Не громоздите ложь на ложь. Ваша сестра выставила меня дураком, но какая женщина могла бы устоять перед искушением стать герцогиней? – Его голос, казалось, разносился по всему кладбищу. – Возвращайтесь и скажите вашей сестре, что ее урок я никогда не забуду. Я проклинаю ее, а еще больше самого себя за то, что поверил ей!

– Нет... не говорите... так! Это... к несчастью.

– Какое еще несчастье? Ваша сестра бросила меня перед венчанием, и к тому же это стоило мне десять тысяч гиней!

Лалита не смогла сдержать любопытства:

– Как же это?

– Я держал пари на эту сумму. Я верил, что она действительно любит меня, что титул и богатство значат для нее меньше, чем искренняя привязанность. Но она такая же, как все женщины.

– Но... не все... женщины... такие, – сказала Лалита, прежде чем смогла сдержать себя.

Лорд Ротвин язвительно рассмеялся.

– Если есть другие, я должен был бы давно уже отыскать хоть одну из них!

– Возможно, однажды вы...

– Вы думаете, я держал бы это пари, если бы не надеялся? – спросил он сердито и добавил: – Идите! Чего вы ждете? Опишите вашей сестре мою ярость и мое отчаяние.

Но Лалита оставалась на месте, словно загипнотизированная накалом его страсти. И в то же время ей хотелось убежать.

– Десять тысяч гиней! – повторил лорд Ротвин, будто разговаривая сам с собой. – Но я заслуживаю этого! Как я мог быть таким наивным глупцом?

Его слова, обращенные к себе, словно снова подогрели его гнев. Он набросился на Лалиту:

– Идите! Скажите вашей сестре, что если я когда-либо увижу ее снова, то убью ее! Вы слышите меня? Я убью ее!

Вид его был настолько страшен, что Лалита кинулась бежать назад, к воротам, где ее ждала карета.

И тут лорд Ротвин вдруг проговорил немного спокойнее:

– Подождите! Если вы сестра Софи, вы носите фамилию Стадли!

Лалита с удивлением оглянулась, но он ждал ответа, и она нерешительно произнесла:

– Да.

– У меня появилась идея, – проговорил лорд Ротвин. – Я, пожалуй, могу сберечь деньги да и свою гордость тоже. А почему бы, черт возьми, и нет?

Он схватил Лалиту за руку.

– Вы пойдете со мной!

– Но... куда? – испуганно спросила она.

– Увидите!

Его пальцы так крепко сжали ее руку, что ей стало больно. Он потащил ее к входу в церковь.

– Куда вы меня тащите?..

– Вы выйдете за меня замуж! Было бы глупо заставлять пастора ждать понапрасну.

– Вы... не можете... так поступить... Это... безумие!

– Да будет вам известно, я всегда поступаю так, как говорю, – резко ответил лорд Ротвин. – Вы выйдете за меня замуж, и это, по крайней мере, заставит вашу лживую сестру убедиться в том, что, кроме нее, на свете есть и другие женщины!

– Нет... нет... нет! Я... не могу...

– Можете и сделаете! – решительно произнес он.

Они подошли к церкви, и в свете фонаря Лалите показалось, что в его лице есть что-то дьявольское. Никогда в жизни она не видела такого красивого мужчину, доведенного до такого бешенства, что он полностью утратил самообладание.

Его глаза сузились, губы побелели.

Он не отпускал ее руку, даже сжал сильнее и поволок внутрь церкви. Там было очень тихо. Слышались только их шаги, пока он тянул ее по проходу к алтарю.

– Нет... нет... вы... не... не сделаете... этого! – шептала Лалита, не смея нарушить царившую вокруг тишину.

Лорд Ротвин, не отвечая, вел ее за собой туда, где на ступенях алтаря ждал священник.

Лалита в ужасе пыталась освободиться от его хватки, но он был так силен, что ее слабых сил не хватало.

– Я... не могу... Пожалуйста... пожалуйста... это... не... неправильно! Это... безумие... остановитесь!

Они достигли алтаря, и Лалита с надеждой взглянула на ожидавшего их священника. Она подумала, что, возможно, сумеет объяснить ему, что произошла ошибка. Это был древний старик, белый как лунь, с добрым морщинистым лицом. Он был почти слеп. Слова протеста замерли на губах Лалиты.

– Дорогие возлюбленные... – начал старик дрожащим голосом.

«Я должна... остановить его! Я... должна! – твердила про себя Лалита, но все вдруг поплыло у нее перед глазами, и она никак не могла сосредоточиться. Только ощущала тяжелый аромат лилий, которыми был украшен алтарь, да видела мерцающие на алтаре свечи. – Я не произнесу... слов, которые сделают меня его... женой, – решила девушка. – Когда... дойдет до них... я скажу... нет!»

– Иниго Александр, берете ли вы эту женщину в законные жены? – услышала Лалита. До ее слуха доносился мягкий, завораживающий голос старого священника. Наконец под сводами церкви резко прозвучал голос лорда Ротвина:

– Да! – Возникла пауза. – Как вас зовут? – спросил ее Ротвин.

– Лалита... но я... не могу...

– Ее имя – Лалита, – обратился он к священнику, будто не слыша ее протестов.

Тихим, утомленным старческим голосом тот произнес:

– Повторяйте за мной: «Я, Лалита...»

– Я... не... могу, нет... я не могу! – прошептала она и ощутила, как пальцы лорда Ротвина впиваются в ее руку.

Было ужасно больно и так же страшно, как ожидать удара тростью.

Почти ничего не сознавая, Лалита словно со стороны слышала свой голос, который, запинаясь, повторял за священником:

– Я, Лалита... беру... вас... вас... Иниго... Александра...

Они вышли из церкви и прошли к роскошному экипажу. Лалита молчала, почти физически ощущая кипевшую в нем ярость. Она, казалось, заполняла собой карету, пугая девушку своей силой.

Лалита пыталась размышлять о последствиях того, что произошло.

«Что будет... со мной? Что я... буду делать?» – спрашивала она себя, но вопрос, казалось, не имел никакого смысла. Ей лишь было по-прежнему страшно. Было трудно вздохнуть, последние силы оставили ее.

Карета остановилась у одного из великолепных зданий на Парк-Лейн.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.